

НАРОДНЫЕ ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА

В статье обосновывается, как теоретические мысли Пушкина о народности литературы, необходимости обращения к национальным истокам находят практическое воплощение в его творчестве.

Научная новизна исследовательской статьи заключается в том, что в ней доказывается влияние критических статей, публицистической прозы Пушкина на становление русской мифологической школы, сложившейся на рубеже 40 – 50-х гг. XIX в. и оказавшей влияние на дальнейшее развитие русской литературы последующих десятилетий.

Пушкин, предвосхитивший появление русского литературоведения в его национальной специфике, стоял у истоков отечественного научного народознания. Он “настоящим образом вник в дух народной русской поэзии” и одним из первых определил роль народа в создании русской национальной культуры, выявил значение фольклорных традиций в формировании отечественной словесности [3, с. 366]. Пушкин не только широко использовал устное народное творчество в своей поэзии, но и был одним из первых теоретиков и собирателей русского фольклора. Его интересовал как фольклор народов, населяющих Россию, так и устно-поэтические традиции западных славян и других народов мира.

Сравнительно-исторический метод, определивший методику мифологической школы, был практически впервые использован Пушкиным, о чем свидетельствуют его многочисленные записи о своеобразии народной культуры, отражающие конкретно-исторический подход поэта при изучении памятников народного творчества. По мысли М.К. Азадовского, в 30-е гг. Пушкин явился "главнейшим выразителем передовых идей русского фольклоризма" [1, с. 243].

Пушкин органически влился в русскую культуру, необыкновенно точно отражая в ней черты национального духа в его наиболее характерных проявлениях. Он высоко ценил устное народное творчество и считал его благодатным источником для обогащения русского литературного языка. Поэт "стремился к созданию демократического национально-литературного языка с живой речью, с формами народно-поэтического творчества" [5, с. 227].

Тонкий эстетический вкус, понимание разговорного языка, знание фольклора отразились в статье Пушкина "Опровержение критики", в которой он, возражая оппоненту, недовольному строкой "людская молвь и конский топ", оправдывает стремление к естественности и народности в литературном языке: "Молвь (речь) – слово коренное русское. Топ вместо топот столь же употребительное <...>. На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из русской сказки: «И вышел он за врата градские, и услышал конский топ и людскую молвь»" [9, т. 6, с. 304]. На протяжении всего творчества Пушкин использовал все возможности русского национального языка, обогащая его словами и выражениями, взятыми из народной поэзии. О широте эстетических взглядов поэта свидетельствует его обращение к разнообразным видам фольклоризма: стилизации, подражанию, заимствованию, обработке сюжетов и т. д.

Пушкин проявлял интерес к проблемам фольклора на разных этапах своей деятельности. Сохранившиеся пушкинские записи сказок Арины Родионовны легли в основу ряда его стихотворных литературных сказок. Уже в Лицее поэт начинает писать сатирическую сказку-поэму о Бове Королевиче, которая являла собой первый опыт освоения фольклорных и литературных традиций. Именно в этот период не без влияния В.А. Жуковского формировались его взгляды на миф и сказку. Однако фактам биографии нельзя придавать столь существенное значение при выяснении истоков фольклоризма поэта. В частности, Ю. Соколовым односторонне, в узко биографическом плане, трактовался интерес Пушкина к народной поэзии [11, с. 121-140]. Исследователь не учитывает того, что именно в период романтизма идея народности становилась приоритетной и для современников Пушкина. Начиная с 1820-х гг. она является ключевой в публицистической прозе. Именно в эти годы среди русских писателей проявлялся интерес к фольклору, народным поверьям, старине, национальной языческой жизни простолюдина.

Понимая эстетическое значение народной культуры, Пушкин целенаправленно изучал русский фольклор, народный быт, нравы ряда народов России, часто общался с русскими крестьянами, дворовыми, казаками. Посещая святогорские ярмарки в период Михайловской ссылки, поэт наблюдал торги, порой даже принимал участие в происходящих событиях. По воспоминаниям псаломщика Воронинской церкви А.Д. Скоропоста, Пушкин "любил ходить, где более всего было собравшихся нищих. Он, бывало, вливается в их толпу и поет с ними разные припевки, шутит, записывает, что они поют, а иногда даже переодевается и ходит с нищими по ярмарке" [7, с. 60]. В обращении к народному искусству и постижении мирозерцания простого человека поэт видел путь для создания самобытной национальной литературы.

Пушкин был знаком с лубочными изданиями XVIII в., знал народное искусство по сборникам М.Д. Чулкова, М.И. Попова, И.М. Снегирева, которые в тече-

ние долгого времени были его настольными книгами. Исследователи отмечают влияние на творчество поэта, особенно на замысел поэмы "Руслан и Людмила", сборника уральского казака Кирши Данилова (1818 г., 2-е изд.), отзвуки этих влияний слышны в "Евгении Онегине" и других произведениях. Так, например, в 31-м примечании к "Евгению Онегину" Пушкин неточно, очевидно, по памяти, цитирует стих из сборника Кирши Данилова "Древние российские стихотворения". Поэт высказывал мнение о прелести "богатырских сказок", имея в виду былины, которые входили в это издание.

Пушкин не мог не читать статей, исследований о народной поэзии, которые часто появлялись в начале XIX века на страницах "Русского вестника", "Северного вестника", "Сына Отечества", альманаха "Аврора" и др.

В поэме "Руслан и Людмила" (1820), задуманной еще в Лицее, Пушкин в соответствии с установками литературного общества "Арзамас" обращался к созданию национальной богатырской поэмы, в которой проявился интерес поэта к эпосу былин. К этому времени в литературной практике Пушкина имелся большой опыт освоения античной культуры, являющейся постоянным компонентом его миропонимания; поэт был знаком с западноевропейскими и русскими средневековыми преданиями, русской историей, народной сказочной традицией. Все это свидетельствует о новой странице пушкинского фольклоризма, который сложился у него к началу 1820-х гг. и оказал влияние на замысел его предромантической поэмы.

Поэт творчески усвоил мир русской сказки и национальных преданий. В поэтической структуре "Руслана и Людмилы" широко использованы художественные приемы сказочного эпоса. Структурные признаки волшебной сказки, выделенные В.Я. Проппом, находят отражение в композиции "Руслана и Людмилы" [8, с. 23-28]. В поэме усматриваются и сюжетные линии былевого эпоса, творчески переосмысленного Пушкиным на основе сборника Кирши Данилова. Былинный слой в поэме представлен оборотами речи, зачинами, типичными для данного жанра, и традиционным описанием пира у киевского князя Владимира с его дружиной. Важную роль в творческой истории "Руслана и Людмилы" сыграли летописи, начальные главы "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина, откуда Пушкин мог почерпнуть сведения о киевском князе Владимире, крестителе Руси, в эпоху которого перенесено действие поэмы. В обработке летописного предания создается как национальный, так и исторический колорит, возникает определенная дистанция между сюжетным действием и временем автора. Легендаризация прошлого позволяет Пушкину избежать фактической достоверности, снимает с него ответственность за мотивировку событий. В поэму, где сочетается реальное и фантастическое, включаются пейзажи русской природы, которые присутствуют даже в чертоге Черномора: "Все мертво. Снежные равнины / Коврами яркими легли..." [9, т. 3, с. 28].

В "Руслане и Людмиле" запечатлены художественно-исторический опыт прошлого, разнообразные мифические представления глубокой старины. В поэме находит отражение архаическая мифологическая система, к которой относятся персонажи низшей мифологии – колдунья Наина, карла Черномор, духи, русалки. Перун и Велес как божества высшего уровня славянских божеств упоминаются в поэзии Пушкина, но гораздо реже. Уже в ранней лирике Пушкина ("Домоному", "Русалка") враждебный антибожественный мир представлен амбивалентными существами. В поэме "Руслан и Людмила" Наину и Черномора связывают дружеские отношения, ибо они состарились и нет причин враждовать, но в христианском мире они всегда злы и коварны. Обращение художника к мифологическим мотивам, темам и сюжетам в поэме выражается прежде всего в свобод-

ном, подчеркнуто игровом их использовании. Но в "Руслане и Людмиле" еще не представлена мифологическая картина мира, характерная для более позднего творчества поэта ("Бесы", "Медный всадник").

Архаику былевого эпоса Пушкин удивительным образом обновляет уже на бытовом уровне. Злодейство демонических сил снижается легкой шуткой: Черномор дрожит от страха, путается в собственной бороде, когда княжна "седого карлу за колпак/ Рукою быстрого схватила" [9, т. 3, с. 33], красавица Наина оказывается горбатой ведьмой с клюкой, а горячая Людмила с аппетитом ест в чертоге Черномора. Руслан же лишен авторской иронии. В его образе Пушкин воссоздает национальный русский характер, отличительными чертами героя являются благородство, храбрость, доблесть. Но, в отличие от народной сказки, бытовая сфера мало интересует поэта. Это обстоятельство, как пишет А.Д. Соимонов, объясняется тем, что в годы написания поэмы "господствующее положение в эстетике романтизма занимала мифологическая школа, которая менее всего интересовалась социально-бытовой основой фольклорных произведений" [10, с. 156]. Ученый, безусловно, имеет в виду немецкую мифологическую школу, концепция которой основана на эстетике Ф. Шеллинга, братьев А. и Ф. Шлегелей, которые полагали, что мифология являлась источником и центром искусства. Эта мысль в отношении фольклора была подхвачена гейдельбергскими романтиками, а впоследствии методология немецкой мифологической школы находит отражение в деятельности ученых братьев Гримм. Пушкин был хорошо знаком с немецкой культурой, читал произведения И.В. Гете, Ф.В. Шиллера, И.Г. Гердера, Ф.Г. Клопштока, Л. Тика и др., а также труды немецких философов – И. Канта, Ф.В. Шеллинга, А.В. Шлегеля и др. Можно предположить, что он был знаком с романтической философией мифа, представленной в теоретических работах братьев А. и Ф. Шлегелей, Ф.В. Шеллинга, необычайно популярных в России первой трети XIX в., имена которых неоднократно встречаются в письмах поэта [9, т. 9, с. 133, 142, 413 и др.]. Не могли не оказать влияния на Пушкина и труды немецкого просветителя И.Г. Гердера, которые стимулировали изучение исторических и этнических форм культуры, во многом определили последующее развитие русской философской мысли¹. Тем не менее, обращение Пушкина к традициям русского и западноевропейского романтизма не затрагивает коренных основ его творчества, которые определяются особенностями его мировоззрения. По мысли Д.Д. Благого, в "Руслане и Людмиле" "русский писатель, идя по следам гениев мировой литературы, начал открывать новые миры – миры русского национального художества" <...>, создавал "ту действительность, которая станет отличительной чертой <...> всей русской классики XIX века" [4, с. 293].

Стихия былевого эпоса и простонародной сказки способствовала обращению поэта к "простонародному" языку, что знаменовало не только разрыв с традициями классицизма, но и было первым шагом Пушкина на пути к народности. Современник поэта, А.Г. Глаголев, отметил, что в поэме "Руслан и Людмила" явно ощущается вторжение мужицкой стихии в литературу [6, с. 201-205]. Проблему просторечий Пушкин связывал прежде всего с устным народным творче-

¹ Очевидно, Пушкину была близка идея Гердера о великом будущем отсталых в то время народов, чьи истории были неполны либо не написаны. Немецкий философ выдвинул идею о возрождении украинской нации и культуры. В архивах Пушкина за 1829 г. сохранился план исторического исследования Малороссии. Пушкин, подробно изучив историю Украины, ее народную поэзию, создал поэму "Полтава" (1829), где поставил задачу показать, что Полтавская битва явилась судьбоносной для России и всего русского народа. В "Предисловии к первому изданию "Полтавы" поэт придает большое значение достоверности в освещении событий, в примечаниях к поэме делает ссылки на подлинные исторические документы. Поэма, по словам Пушкина, была подлинно новаторским, "совсем оригинальным" и зрелым произведением [9, т. 3, с. 211-212].

ством: “В зрелой словесности, – пишет он, – приходит время, когда умы, наскуча однообразным произведениям искусства, ограниченного кругом языка установленного, избранного, обращаются к свежим помыслам народным и странному просторечию, сначала презренному” [9, т. 6, с. 258].

Новые черты фольклоризма в творчестве Пушкина раскрываются в период создания южных романтических поэм (1821 – 1824), в которых отразились живые личные впечатления от Кавказа, Крыма, бессарабских степей. На Кавказе он знакомится с жизненным укладом черкесов, в Крыму – с обычаями татар. В Кишиневе и Одессе простые молдаване, цыгане, греки, болгары, сербы, албанцы, армяне, итальянцы разноязычной толпой окружают поэта. Он тщательно записывал песни и предания этих народов. В этот период поэт, по словам современника, активно “принялся за соби́рание народных легенд” [2, с. 155]. Как видно, интерес Пушкина к народному творчеству не ограничивался только знакомством с фольклором. Он проявлял постоянный интерес к народной культуре в целом: нравам, обычаям разных народов, календарным праздникам, песням историческим, обрядовым, необрядовым и др., к городскому фольклору, играм, хороводам, гаданиям, духовным стихам, историческим песням, народной драме, пословицам, поговоркам, народным сказкам в прозаической и стихотворной форме – всему, что отвечало мирозерцанию простого человека из народа.

Во многих пушкинских стихах отразились личные впечатления от нравов, обычаев тех народов, с жизнью которых пришлось ознакомиться поэту: “Я видел Азии бесплодные пределы, / Кавказа дальний край, долины обгорелы, / Жилище дикое черкесских табунов, / Подкумка знойный брег, пустынные вершины...” [9, т. 1, с. 537].

Характерное для европейских романтиков увлечение “национальным колоритом” чуждой им среды отразилось уже в ранней поэме Пушкина “Кавказский пленник” (1821), в основе которой изображение двух разных культурно-исторических стихий – Востока и Запада. Однако бинарная оппозиция их в значительной мере оказывается исчерпанной: в “Кавказском пленнике” прослеживается мысль о взаимообогащении и сближении двух культур и укладов. Впервые в поэме Пушкин значительное место отводит этнографическим описаниям, о чем сообщает в письме к В.П. Горчакову: “Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести” [9, т. 9, с. 52].

Близкое знакомство с культурой других народов воодушевило поэтическое воображение поэта. В “Бахчисарайском фонтане” (1823) он изобразил уклад жизни крымских татар, историю крымских ханов. Мир преданий и легенд о пленнице Керим-Гирея лег в основу сюжета поэмы. В “Бахчисарайском фонтане” автор воссоздает образы представителей разных культур – татарского хана, Заремы и христианки Марии, раскрывает их духовно-нравственный облик. Сталкивая в поэме “две цивилизации – христианско-славянскую и азиатско-мусульманскую”, Пушкин относится с одинаковым уважением к национальной культурной самобытности тех народов, с жизнью которых он соприкасался [12, с. 51]. В примечании к поэме “Цыганы” (1824) поэт сумел исторически точно передать сведения о происхождении и занятости цыган Молдавии, этническом укладе жизни вольного цыганского племени. В статье “Письмо к издателю “Московского вестника” (1827) он отмечает: “Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические основы” [9, т. 6, с. 248].

В своих критических статьях Пушкин постоянно заостряет внимание на вопросах о значении народности литературы, высказывает свои теоретические

мысли по данной проблеме: "Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий, привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу" [9, т. 6, с. 236]. Пушкин придавал большое значение в своем творчестве темам и образам отечественной истории, русскому фольклору, который для поэта являлся формой национального самосознания. Уже на юге у него возникают намерения создать поэмы на исторические темы с использованием сказочных и былинных сюжетов. В эпилоге "Кавказского пленника" он упоминает о "грозном Кавказе", обещает написать в будущем поэму, где воспоеет "Мстислава древний поединок" [9, т. 3, с. 101]. Из набросанного им плана видно, что исторический факт поединка князя Мстислава с косогами будет соединен с сюжетами из былин и сказок.

Для позднего творчества Пушкина характерен интерес к тому фольклорному материалу, в котором отражается история России, что сказалось в работе над "Капитанской дочкой", "Историей Пугачева", "Историей Петра". Именно в эти годы его интересуют народные песни, первые записи которых были сделаны в Михайловском, когда поэт работал над "Борисом Годуновым". К народному творчеству Пушкин подходил не только как литератор, но и как ученый-исследователь. Записывая народные песни, он стремился сохранить все их своеобразие, сопровождал их подробными примечаниями и в своем творчестве использовал все разновидности народных песен (обрядовые, игровые, исторические и т.д.).

Архетипические темы (хаоса и космоса) занимают значительное место в творчестве поэта начиная с 1830-х гг. Активно используя материал славянской мифологии, Пушкин не только стал основателем новой русской литературы, но и на долгие годы predetermined дальнейший литературный процесс и заявил о себе как о поэте широкой культурно-исторической ориентации, ибо он рассматривал в неразрывной связи историю русской культуры и народной поэзии. Критические статьи, публицистическая проза Пушкина не могли не повлиять на становление русской мифологической школы, которая сложилась на рубеже 40 – 50-х гг. XIX в. и оказала серьезное влияние на дальнейшее развитие русской литературы последующих десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Азадовский, М.К.** История русской фольклористики / М.К. Азадовский. – М.: Учпедгиз, 1958. – 479 с.
2. **Анненков, П.В.** Александр Сергеевич Пушкин в александровскую эпоху / П.В. Анненков. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874. – 203 с.
3. **Белинский, В.Г.** Полное собрание сочинений: в 13 т. / В.Г. Белинский. – М.: АН СССР, 1953 – 1959. – Т. VII: статьи и рецензии. Статьи о Пушкине. – 1958. – 740 с.
4. **Благой, Д.Д.** Душа в заветном мире / Д.Д. Благой. – М.: Сов. писатель, 1979. – 624 с.
5. **Виноградов, В.В.** Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. / В.В. Виноградов. – 2-е изд., – М.: Учпедгиз, 1938. – 448 с.
6. **Глаголев, А.Г.** Письмо к редактору / А.Г. Глаголев // Вестник Европы. – 1820. – № 11 (июль). – С. 201-226.
7. **Гусев, В.Е.** Этнографические интересы А.С. Пушкина / В.Е. Гусев // Советская этнография. – 1987. – № 6. – С. 60-72.
8. **Пропп, В.Я.** Морфология сказки / В.Я. Пропп. – М.: Наука, 1979. – 166 с.
9. **Пушкин, А.С.** Собрание сочинений: в 10 т. / А.С. Пушкин – М.: Худ. лит., 1974 – 1978.
10. **Соймонов, А.Д.** А.С. Пушкин / А.Д. Соймонов // Русская литература и фольклор: первая половина XIX века. – Л., 1976. – С. 143-209.
11. **Соколов, Ю.** Пушкин и народное творчество / Ю. Соколов // Литературный критик. – М., 1937. – Кн. 1. – С. 121-150.

-
12. **Соколова, В.Ф.** Народознание и русская литература XIX в.: Учеб. пособ. / В.Ф. Соколова. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2004. – 368 с.

Поступила в редакцию 13.03.2007 г.